

Серю П.

Лозанна, Швейцария
Перевод И. Д. Белеевой

**ЯЗЫК – ПЛОТЬ НАЦИИ.
БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ЭПОХИ БРЕЖНЕВА**

УДК 811.161.1

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Аннотация. Автор размышляет о русском языке брежневской эпохи. Основное внимание уделено следующим символическим аспектам: отношение русских к русскому языку, отношение русских к языку «нерусских», и отношение русских к высказываниям о русском языке нерусскоязычного населения.

Ключевые слова: Русский язык; советология; Л. И. Брежнев; родной язык; Советский Союз; политическая лингвистика.

Сведения об авторе: Серю, Патрик

Ученая степень, звание: доктор философии, профессор

Место работы: Университет Лозанны, департамент филологии

Должность: профессор

Контактная информация:

University of Lausanne, department of philology, Anthropole, CH – 1015, LAUSANNE, Switzerland

E-mail: Patrick.Seriot@unil.ch

Сведения о переводчице: Белеева, Ирина Дамировна

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Российский государственный профессионально-педагогический университет, кафедра иностранных языков

Должность: доцент, зав. кафедрой

Контактная информация: 620089, г. Екатеринбург, ул. Крестинского, д. 57, кв. 43

Seriot P.

Lausanne, Switzerland
Translated by I. D. Beleva

**LANGUAGE AS THE BODY OF NATION.
DISCOURSE ON THE RUSSIAN LANGUAGE
OF THE BREZHNEV ERA**

Abstract. The author presents his reflections on the Russian language of the Brezhnev era. The emphasis is placed on the following symbolic aspects: attitude of the Russians to the Russian language, attitude of the Russians to the languages of "non-Russians", and attitude of the Russians to the opinions on the Russian language as pronounced by the non-Russian-speaking population.

Key words: Russian language; sovietology; L. I. Brezhnev; native language; Soviet Union; political linguistics.

About the author: Seriot, Patrick

Academic degree, academic status: PhD in philosophy, professor

Place of employment: University of Lausanne, department of philology

Post: professor

About the translator: Beleva, Irina Damirovna
Academic degree, academic status: candidate of philological sciences, associate professor

Place of employment: Russian State Vocational Pedagogical University, Chair of Foreign Languages

Position: associate professor

Любой энтомолог может с точностью определить, какое количество насекомых обитает на нашей планете: их огромное количество (несколько миллионов). Однако ни один лингвист не сможет ответить на вопрос, на скольких языках говорят на планете Земля. Дело вовсе не в тотальном неведении. На этот вопрос очень сложно ответить лишь по одной причине: невозможно сосчитать, сколько языков существует на самом деле.

В действительности, ученые полагают, что разделять единый диалектический континуум по территориальному признаку не совсем правомерно. От Бордо до Ницы разница между различными окситанскими диалектами практически неощутима. Однако между жителями этих крайних точек страны взаимопонимание – сложный процесс. С другой стороны, говорить о французском языке, на котором говорят жители Квебека, и о французском языке европейского континента как о двух одинаковых языках не представляется возможным. Где же проходит грань, отделяющая частное от целого? По ка-

ким критериям следует разбивать что-либо на группы или объединять в единый сегмент [1]?

В данном конкретном случае следует придерживаться современной номиналистической позиции. ИМЯ – вот что является индикатором, эта привилегированная форма символа, дающая возможность предмету быть, т.е. существовать. Та же самая ситуация наблюдается и с народами и нациями, которые отличаются от множества других благодаря своему имени (названию). «Народ Корсики, состоящий преимущественно из французского народа» или «Приднестровская республика» в Молдавии – яркие примеры того, что не существует предела огромному множеству названий, которые выступают в качестве гарантов онтологии.

Однако установить точное количество существующих государств и государственных языков представляется вполне возможным. К сожалению, ориентируясь лишь на государственный язык, мы мало что сможем узнать о национальном языке. Такие государственные языки, как письменный «арабский» в Алжире

или «катаревусса» (katharevousa) в Греции имеют лишь отдаленное сходство с местными наречиями, на которых говорит население страны.

Что же представляет собой язык, такой туманный, такой близкий и в тоже время такой неуловимый? Что представляет собой язык и нация, и как они соотносятся друг с другом?

СССР и Россию можно изучать через специфичность её отношения к языку, воспроизведению и знаку. Это далеко не единственная страна, в которой политика управляла «символами», однако, как мы знаем, только эта страна расстреливала своих лингвистов за вопросы определения языка (Поливанов, Дурново, Дрезен и др.).

В данной работе я бы хотел поразмышлять о языке, и в самом широком смысле, вообразить себе язык Советского Союза брежневской эпохи. В таком «мультинациональном» государстве как СССР, огромное значение должно было уделяться изучению всего того, что является гранями, не административными, но символическими. Изучению составляющих того, что представляет собой государство: народов, языков, наций. В данной работе описываются следующие символические моменты: отношение русских к русскому языку, отношение русских к языку «нерусских», и отношение русских к высказываниям о русском языке нерусскоязычного населения.

Обращение к брежневской эпохе мне кажется необходимым и целесообразным для определения места языка в национальном возрождении нерусских народов в советскую эпоху. При выборе источников ставилась цель получения «гомогенной структуры языка», отсюда необходимость обращения к «научно-популярным источникам»: паралингвистической литературе, дополнительной литературе для школьников и студентов, предисловиям к учебникам грамматики и т.д.

Действительно, выбирая книги о языке, которые не читаются лингвистами, мы рассчитываем пойти менее известным, но более эффективным путём. Эффективным с точки зрения рассмотрения связи идеологии государства и языка в такой стране как СССР, где языковая политика стала предметом особой недвусмысленной теоретической конструкции, которой «восхищался» весь мир [2].

1. Любовь.

«Пусть «Великий Русский Язык» (именуемый далее ВРЯ) станет объектом любви» – такие строки часто можно найти в советской научно-популярной литературе. Но в СССР жили не только русскоговорящие народы, и эта любовь, невзирая на расхождения и противоречия, могла их сплотить.

1.1. Русский язык – родной язык русофонов

Любовь к родному языку может зародиться в процессе чтения книг по грамматике, которые сочетают в себе как любовь, так и понимание изучаемого предмета: «Эта книга стимулирует интерес к русскому языку и любовь к нему» (Прокопович, 1972, с. 6).

Однако в процессе изучения языка признание любви к языку является основополагающей составляющей успеха: «Чтобы овладеть этими средствами, уметь воспользоваться этими возможностями русского языка, нужно постоянно изучать русский язык, стремиться проникнуть в суть его законов, осознать их и, самое главное, полюбить [3] этот язык» (Шермухамедов, 1980, с. 210) [4].

И наконец, как причина и следствие познания, любовь питает стремление к изучению языка: «Знаете ли вы, что подлинная любовь к русскому языку невозможна, если не познать, не углубиться в этот язык, не изучить всё его богатство» (Люстрова, 1982, 154) [5].

1.2 Родной язык

На русский язык фраза «la langue maternelle» переводится как «родной язык», что в буквальном переводе звучит как «язык местности, где родился», «язык рождения» («la langue natale»). На самом деле, прилагательное «родной» произошло от существительного «род»: «потомство», «раса», «племя», «клан», «родоначальник» (латинское *gens*, греческое *genos*). Все эти понятия являются лишь частью общего лексикона, используемого с целью подчеркнуть патриотический характер слов *рождение*, *родители*, *родина*, *народ*, и все синтагмы образованные от прилагательного «родной»: *родная речь*, *родное слово*, *родная страна*, *родной край*, *родная литература*, *родной брат* или *родная мать* и т.д. Родной язык так же будет означать язык клана, группы, приобретенный ее членами после рождения. Очевидная равнозначность слов *язык/Родина* лежит в основе общего корня *род* – и понятий «родной язык» и «Родина». Поскольку любить русский язык – это то же самое, что и любить Родину (как наглядно демонстрируют тексты). Любить ту Родину, где на нём говорят, и где этот язык является родным. «Друзей русского языка объединяет любовь к родному слову, интерес к его доблестному прошлому, блестящему настоящему и великому будущему». (Люстрова, 1982, с. 54). Так, любовь к родному языку становится своего рода наказом, долгом для гражданина любить Родину. «Любовь к русскому языку – одна из неотъемлемых частей того чувства, которое мы называем любовью к родной земле. Каждый советский человек, каждый русский должен знать и любить свой язык. Нужно любить и непрерывно изучать русский язык» (Пау-

стовский, 1953, цит. Шермухамедовым, 1980, с.52) [6].

Любовь – это своего рода долг. «Каждый человек, прежде всего, *должен любить* свою советскую Родину» (Из личного архива маршала Рокоссовского, Литературная газета, апрель 1982).

Понятия Родная Земля и Родной Язык есть две составляющие одного понятия «Родины», которое в СССР ассоциируется со святым образом матери – «Родина-Мать».

Напрашивается вопрос! Долг любить родной язык или Родину-Мать, не является ли это символической (бессознательной) любовью? Любовью, в которой не отдают себе отчёт и о которой молчат? Любовью к телу матери, которая, обычно, сублимируется и на которую поставлен запрет [7].

Подобную фиксацию на языке г-н Пьерсен (Pierssens) называет «логофилией», т.е. любовью к языку людей, которые «помешаны на языке». Нам представляется интересным и значимым определить, опираясь на научно-популярные тексты советского периода, наблюдается ли в СССР «логофилия нового типа», а так же в чем заключается особенность любви к ВРЯ.

1.3. Защитить язык

Как видно из текстов советского периода, одним из последствий логофилии является потребность «защиты» языка и его целостности. Ниже представлена ещё одна метафора, ярко отражающая борьбу за сохранность чистоты языка. «Советские люди должны постоянно, неустанно проявлять заботу о русском языке, о его чистоте, о сохранности и дальнейшем развитии его выразительности, образности, силы» (Шермухамедов, 1980, с. 204). «И все мы, начиная со школьного возраста, должны стремиться к тому, чтобы русское слово сверкало всеми своими гранями, чтобы оно полно раскрывало свои значения, точно использовалось, чтобы русский язык не засорялся жаргонизмами, излишними иностранными словами, вульгаризмами» (Шермухамедов, 1980, с. 205) [8].

Верховным гарантом защиты языка должен будет стать т.н. *моральный аспект*, получивший в лингвистике название «сталинский стиль»: «Равнодушие к языку, скудость его, небрежное с ним обращение, порча этого языка, засорение его совершенно нетерпимы» (Паустовский-53, цит. Шермухамедовым, 1980, с. 52).

Однако охрана целостности языка может иметь и политические мотивы: создание эффективного инструмента, посредством которого возможно «управлять массами». Такой позиции придерживался Ленин, изложив ее в *Энциклопедии русского языка* [9] в статье «Об очистке русского языка».

Ленинская утилитарная концепция чистого слова легла в основу т.н. «социалистической профилактики» (борьбы со «словами-паразитами») и применялась непосредственно к языку. Сегодня совершенно иначе звучат пророческие слова Максима Горького, призывавшего бороться за чистоту русского языка: «В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры перед нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитического хлама. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено – тем оно победоносней» (М. Горький. Полное собр. сочинений. Т. 27, с. 169-170, цит. Шермухамедовым, 1980, с. 204).

Целью «социалистической профилактики» является очистка организма от паразитов, поскольку любое пораженное тело считается патологией: Б. С. Шварков говорил о «деградации языка» как о «болезни» (ЭРЯ, статья «Бюрократизм в языке»).

Что же это за язык, единство и целостность которого, как и сама Родина, «находятся в опасности»? Что же есть это ВСЕ, которое все так любят? Этот «неуловимый» объект [10], который все пытаются «защитить», «построить», «организовать» и «очистить»? Такую же идеологическую позицию по отношению к языку мы встречаем в III республике во Франции [11]. Однако в силу своего многонационального характера, в СССР все же имелись некоторые принципиальные отличия.

1.4. Омографы и «второй родной язык»

Совершенно иной является проблема любви к русскому языку нерусскоговорящего населения. Очевидно, что любовь эта иной природы, нежели любовь к родному языку. Однако «страсть» к русскому языку от этого лишь ярче. Книга Шермухамедова – настоящая антология нерусских поэтов и писателей Советского Союза, в унисон воспевающих свою любовь к русскому языку.

Вот что писал узбекский писатель советской эпохи Мирмузкин:

Стал матери язык – поэта языком.
Я зрелости достиг – и выучил другой,
То русский был язык, для сердца дорогой:
По-русски прозвучал свободы гордый клич,
По-русски говорил с народом наш Ильич.
Люби его, мой друг, как любит весь народ,
Он мост между людьми, единство и союз.
(цит. Шермухамедовым, 1980, с. 107)

В каждой братской республике можно встретить поэта, любящего русский язык. Обращаясь к Западу, известный киргизский поэт Кубаник Акаев в поэтической форме выразил мысль о великой миссии русского языка:

Знай же, Лондон, Париж, Вашингтон,
 Я в Москву, я в Россию влюблен.
 Слушай мир: я люблю тот язык,
 Что по-русски могуч и велик,
 Как мне пушкинский стих не беречь!
 Я по-русски марксизм изучил,
 Брат мой русский мне знамя вручил.
 С нашим Лениным в сердце живет
 Весь двухсотмиллионный народ,
 Перед лицом всего мира горжусь
 Языком твоим, славная Русь!
 (цит. Шермухамедовым, 1980, с. 65)

Парадоксальным является отношение нерусского населения к русскому языку. Мысль, наиболее часто звучащая в публичных заявлениях о русском языке, является мыслью о том, что русский язык стал для всех «вторым родным языком». Великий туркменский писатель, Герой Социалистического Труда, Б. М. Кербабаев (1894-1974), автор выдающихся работ, ставших частью сокровищницы советской литературы, писал: «Русский язык стал для нас, националов, вторым родным языком. Однако грамматический строй русского языка очень сложен. Поэтому необходимо изучать русский язык с самого детства» (цит. Шермухамедовым, 1980, с. 91).

Однако подобные заявления вызывают скептическое отношение со стороны иностранных лингвистов. «Несмотря на многочисленные заявления, что русский язык стал для народов дружественных республик «вторым родным языком», утверждать этого в полной мере все же не стоит» (Крессель, 1977, с. 28). В настоящей статье для нас неважно действительно ли русский язык стал «вторым родным языком» для нерусского народа. Важно, почему подобные утверждения вообще имели место быть. Мы вовсе не собираемся обвинять советских лингвистов «во лжи», сравнивая то, что провозглашалось, с тем, что было на самом деле. Мы хотим проследить взаимосвязь между идеологией и политикой на официальном уровне. И если уж русский язык стал вторым родным языком для нерусского населения, Россия стала соответственно их «Матерью»: «...Законы братства нам дано по-русски понимать затем, что дружбе учит нас Россия, наша Мать» (Мирзо Турсун-Заде, «Законы братства») (цит. Шермухамедов, 1980, с. 138).

Подобный перенос любви и привязанности к родного языка на русский влечёт за собой, как следствие, просьбу «о принятии». «Каждый миг народ Дагестана ощущает свою неразрывную связь с этим языком», – пишет известный писатель Эфенди Капиев. «О, Великий Русский язык! Я встаю пред тобой на колени: прими и благослови меня!» «Эти слова не только образ: в этой фразе можно ощутить всю глубину чувств, которые жители Дагестана испытывают по отношению к русскому языку, сплотившему их как друг с другом, так и с другими народами» (Гамзатов, 1983, с. 247).

Самым интересным для нас является попытка понять, как же возможно полюбить чужую мать также сильно, как и свою собственную родную мать. Отметим тот факт, что разницы между тем чувством любви, что испытывают к русскому языку русскоязычное население и чувствами нерусского народа, практически нет, если только речь не идет о страсти. Несмотря на то, что слова «мать» и «море» не имеют в русском языке подобного сходства при написании, как во французском «mère» и «mer», в поэме Максима Геттуева «Русский язык» можно четко пронаблюдать явление транспозиции. Любовь к матери ассоциируется с бескрайними морскими глубинами, отражается в глубинах водной глади, такой манящей и успокаивающей, способной утолить жажду, разжигая желание. Изобилие этих образов присутствует в психоаналитических трактатах об эдиповских мечтах и рассказах:

Спросите меня: Что похоже на
 море?
 – Русский язык, – не
 замедлю с ответом.
 – Он, словно море,
 согреет землю,
 Свежесть подарит
 засушливым летом.
 Воды его, разливаясь без
 края,
 Блещут немеркнувшим
 солнечным светом;
 К людям хорошим
 в дальние страны
 Катятся волны с горячим
 приветом.
 Русский язык –
 безграничное море!..
 В глуби морской
 я дождался улова:
 Выловил ключ, открывающий
 радость, –
 Этим ключом было русское
 слово...
 ... В сад прихожу под зеленые
 своды:
 Как здесь отраднo, красиво
 и ново;
 Если ж в саду и садовник
 отменный,
 Кажется – в мире нет
 счастья иного!
 Также и в класс мой пришел
 я когда-то –
 Он был подобен зеленому
 своду;
 Русская женщина с доброй
 душою
 Не уступала ни в чем
 садоводу...
 (Цит. Шермухамедов, 1980, с.111)

Подобное погружение в язык, которое возвращает нас к традиционной метафоре «языковая баня», так же открывает перед нами любопытнейший феномен, который мы могли бы сформулировать не иначе как риторическим вопросом: *как эдипов комплекс может возникнуть по отношению к приемной матери?*

1.5 Большая Семья

Как возможно полюбить чужой язык так же сильно, как свой собственный, родной?

Этот вопрос о «втором родном языке» рождает ряд метафорических понятий на тему «*семейные узы*»:

- Дружная семья всех народов Советского Союза

- Старший брат
- Братские народы
- Братские республики
- Братские языки
- Матушка Россия
- Родина Мать

Именно эти понятия доказывают возможность существования частного в общем, одном большом мире, каким являлся Советский Союз, некая асимметричная пирамида, где огромное количество близких друг другу языков, но все же существует один, объединяющий их все, являющийся одновременно и частью и целым, язык «равный среди равных» – ВРЯ (Шермухамедов). Именно благодаря *родственным связям* удалось избежать внутренних противоречий в понимании единого общества и признания отдельных «национальностей». Именно ВРЯ – это родной язык (первый или «второй») всего советского народа, а другие языки – это равные между собой языки. Всё это в качестве *социальной профилактики* позволило представить русский язык как нечто живое, объединяющее всех и каждого, нуждающееся в постоянной защите и очистке от «паразитов». «ВРЯ, объединяющий членов одной семьи, не может быть заменен другими языками в силу своих отличительных особенностей, ибо только он может отражать в себе самом существование единого гомогенного общества, связи между ним самим и «народом № 1», – как говорил С. Леффорт [12], – «...народом, объединенным любовью к своему средству общения».

1.6 Тождество, принадлежность и отличие

Отношение между частью и целым, в ракурсе семейной метафоры не так уж сложно, в сравнении с тем, как соотносятся части между собой, либо внутри себя. Именно так рождается вопрос тождества, вопрос отношений Части и Целого. Если считается возможным говорить о языках «народов Советского Союза», то значит эти «народы» существуют. Но что же такое «народ», в своем бесчисленном множестве? Реально существующий объект, или предмет

дискуссии? В СССР «народ» являлся «дискретной сущностью», не больше и не меньше. Однако, народ может исчезнуть лишь для того, чтобы вновь появиться годы спустя [13]... Один народ должен был противопоставить себя как нечто целое другим народам:

«В рожденной Октябрьской революцией «общечеловеческой симфонии», культуре будущего коммунистического общества, культуры народов Средней Азии и Казахстана составляют те звуки, которые в единстве с культурами других братских народов образуют «богатую и свободную гармонизацию» (Луначарский. Цит: Шермухамедов, 1980, с. 113).

Народ – это особая «графа» в паспорте, которая не должна оставаться пустой, это совершенно определенный ответ на вопрос (например, при переписи населения). Человек всегда принадлежит к какому-то народу, к какой-то национальности. Следовательно, существуют *народы*, один народ отличается от другого. Но границы отличий очень подвижны. Известны случаи, когда «малые народы» добровольно входили в состав более крупных. Так происходили метаморфозы, где смешивалась любовь, тревога [14], административные сложности, всегда сопутствующие процессу поглощения и рождению новой, отличной от других, самобытности. И появлялось какое-то имя для новой принадлежности, как две капли воды похожей на ту, что уже существует.

«Некоторые малочисленные народности, этнические группы населения добровольно, в связи с длительным дружеским общением с более крупными нациями, полностью признали общность с ними. Так, например, с 1926 по 1939г. поморы, проживающие на севере Архангельской области, камчадалы, кержаки, живущие в Алтайском крае, и другие перестали считать себя особыми народностями и полностью примкнули к русским. Эти процессы консолидации языков в нашей стране характеризуются тем, что носители языков сами добровольно соединились с другими народами, ибо это полностью отвечало их интересам, способствовало их экономическому и культурному развитию». (Шермухамедов, 1980, с. 35).

Но, если есть народ, есть и его собственный язык. «В исследованиях дореволюционного периода и времени до 50-ых гг. встречаются упоминания о кайтагском (kaitagh) и кубатском (koubatch) языках. В дальнейшем эти языки стали воспринимать как диалекты даргинского языка (darghienne) и говорящие на них, согласно данным переписи населения, получили одноименное название» (Гамзатов, 1980, с. 125).

Что же всё-таки является отличительной особенностью языка? (Мильнер, 1978).

Что же такое «народ», и что же такое «язык», если их границы могут меняться при желании заинтересованных лиц или же под действием административных норм? Если су-

существует множество языков, значит должен существовать и один язык (Мильнер, 1978), однако границы этого языка, согласно советским источникам, странным образом размыты...

Проблема «отличительной особенности» языка, собственно гносеологическая проблема, относящаяся к лингвистике, затрагивает так же и политический аспект. К примеру, произошёл ли молдавский от румынского языка или это его разновидность, диалект? Или же молдавский является отдельным языком? Карельский язык, произошёл ли он от финского? Азербайджанский и турецкий – это два разных языка или один? Имеет ли смысл данная постановка вопроса? Думается, что да. Поскольку даже с административной точки зрения, невозможно говорить на чём-то, что не имеет отличие от другого [15]. Необходимо выбрать в административном порядке название для этого языка, как выбирают принадлежность к той или иной национальности. Следует, таким образом, выбрать название своему языку, как выбирают название национальности в рамках существующей административной системы: татары и башкиры говорят на столь похожих языках, что можно было бы считать его одним языком. Однако различия между языками были искусственно созданы, в том числе и в орфографии, поэтому и пришлось делать серьёзный выбор. (Крессель, 1977, с. 4). Выбор этот исходит от национальности (эстонцы, киргизы), либо от гражданства (советские): такова участь советских эмигрантов (так называемых «отщепенцев», тех, что отреклись от Родины), которые потеряли своё место в советской топологии. Они стали ненужными элементами, отрезанными от общей системы. Но если они больше не являются нацией (русскими, скажем), на каком же тогда языке они говорят? По этому вопросу в СССР долгое время молчали. Молчание прервал Солженицын, создав словарь «забытых терминов русского языка», настоящего русского языка, более подлинного, чем тот, на каком говорили в СССР...

Так, где же настоящий язык? И как его «найти»?

2. Познание

Мы остановимся на вопросе, как любовь к ВРЯ влияет на процесс познания. В частности, думается, важно определить, что же общего имеет «объект любви» с тем, что в лингвистике принято называть языком. Это поможет «поймать» его связь с такими понятиями как «народ» и «нация».

2.1. То, что дано и то, что создано

В текстах, которые мы выделили в группу «научно-популярная литература о языке», ВРЯ представлен как некая объективная реальность, существующая сама по себе, за которым скорее можно наблюдать и восторгаться, чем

постигать его глубины. Так считает большинство писателей (Серио, 1982). ВРЯ не является чем-то искусственно созданным, он является чем-то уже существующим, воспринимаемым интуитивно теми, кто умеет видеть и чувствовать, может разглядеть этот язык, то есть авторами литературных произведений, называемых часто авторитетными источниками. Однако, язык достаточно восприимчив к внешним факторам, поэтому, с целью его «кардинального улучшения», он должен быть защищен от «паразитов» и «активного вмешательства» любого рода.

2.2 Форма и содержание.

Как нам думается, если ВРЯ и может быть объектом любви, то только потому, что само понятие базируется на постоянном смешении двух терминов биполярной оппозиции: *системы и реализации*: совершенно не различается то, что «сказано» в языке и язык, который позволяет это сказать: «Весь мир отныне слушает русское слово, ибо в XX веке именно русскими словами впервые были воспеты надежды и чаяния миллионов людей, заветные слова о счастье всех трудящихся» (Правда, от 29 ноября 1972 г., № 334, Цит. Шермухамедов, 1980, с. 24).

В то же время нельзя сказать, что язык может существовать отдельно от тех, кто на нем говорит, от их действий и поступков: «Русский язык – язык Ленина. Язык, в котором олицетворены борьба людей за их права во имя всеобщего счастья, во имя светлого будущего. Это язык, на котором были созданы бессмертные работы великих ученых и поэтов, язык исследователей и первопроходцев на пути к новой жизни (С. М. Рашидов, первый секретарь коммунистической партии Узбекистана, член Политбюро; в предисловии книги Шермухамедова, 1980, с. 4).

2.3 Язык – это память народа.

Согласно немецким грамматистам-романтикам начала XIX столетия, язык идентифицируется с народом, который на нём говорит. «Язык как летопись рассказывает о том, как жили наши предки, с какими народами они встречались, с кем вступали в общение и т.д.» (Шермухамедов, 1980, с. 18). «Язык есть средство коммуникации, общения, средство закрепления и передачи достижений человеческого мышления, человеческого знания и опыта, средство выражения говорящим своего отношения к окружающей действительности, средство выражения эмоций и воли» (Шермухамедов, 1980, с. 19). Следовательно, чтобы знать язык, нужно научиться познавать народ, говорящий на этом языке. «Язык это история народа, его любимое детище», – писал известный русский поэт Вяземский. «Язык есть вера на-

родная. С ним в гармонии природа, душа и сама жизнь (Гамзатов, 1983, с. 250).

Великий русский язык: инструмент или оружие?

В советской паралингвистической литературе существует несколько учений на тему, чем же является язык:

1) это инструмент. «Язык – это орудие для выражения мысли» (М. И. Калинин, *Коммунистические учения*, Москва, 1958, 275, цит. Шермухамедов. 1980, с. 17).

2) это средство общения. «Язык существует для того, чтобы общаться» (Шермухамедов, 1980, с. 92).

Бессмысленно настаивать на том, что вышеизложенные трактовки – результат влияния «духа» сталинской эпохи и его вторжения» в лингвистику в 1950 году. Однако, язык – это еще и оружие, средство борьбы, он должен быть чистым, ясным точным, чтобы довести битву до победного конца. Пример отношения к языку мы видим в работах Ленина. «Для Ленина – политика и революционера – язык служил оружием в борьбе против врагов революции. Именно поэтому Владимир Ильич был особенно строг и требователен к языку и стилю документов, обращенных непосредственно к народу, к трудящимся массам» (Шермухамедов, 1980, с. 217). «Учась русскому языку у классиков родной литературы, Владимир Ильич всегда стремился писать просто, доступно, выразительно, был врагом пустословия, фразерства, вычурности изложения» (там же, с. 208).

Согласно Ленину, (полное собрание сочинений, т. 24, с. 295, российское издание), если великорусский язык «велик и могуч», если это средство общения, значит, он предназначен для чистого общения. Язык, как средство общения, как орудие борьбы и зеркало нации – вот три характеристики, вступающие между собой в некое противоречие. В действительности, совокупность этих противоречий и определила выдающуюся «роль» ВРЯ в Советском Союзе. ВРЯ, который все должны были любить, учить, защищать и совершенствовать, занимал в СССР особое место, являясь фундаментальным, быть может, наиболее важным звеном в становлении идеологии и однородной структуры советского общества.

Спустя 10 лет после смерти Брежнева, насколько изменилось представление в бывшем СССР о русском языке? Можно усомниться в могуществе ВРЯ, если послушать, как нерусскоязычное население отзывается о «своем собственном языке». Уже нет речи о любви к чужому языку, но в сознании ещё царит былая романтика, если судить по отрывку из книги, недавно появившейся в Молдавии: «Язык - это душа народа. Он похож на тех, кто на нем говорит. Наш язык похож на пастухов, которые говорили на нём тысячелетия, он похож на каждого

из нас. Он похож на наших детей, на их будущее. Язык так же похож на места, где на нем говорят. Красота нашей родины отражается в нём. Из всего этого каждый день рождается и продолжает существовать молдавский язык. Язык – самое главное творение народа. Язык есть воплощение людской гениальности. Он и есть своего рода метафора. Метафора метафоры. Стих стихов. Песня народных песен. Его история идет бок о бок с историей народа. Благодаря ему, мы выжили в трудные времена, он был для нас оружием защиты. Язык отражает историю народа, его быт, его чувства, его мировидение, его характер, его опыт, его привычки... Язык сумел выжить вместе с народом, потому что был с народом. Язык это духовная сокровищница народа, завещание последующим поколениям. Это наш язык» (Николя Дабижа, *Нюша или скрытое сокровище?* Кишинев, 1989).

Те новые этнические группы, возникшие после распада СССР, на самом деле являются лишь новыми названиями старых отношений нации и языка.

[1] – Самым характерным примером являются без сомнения Сербия и Хорватия. С лингвистической точки зрения, они говорят на очень близких вариантах одного языка, который со времён Тито носил название «сербохорватского», и который был разделен на два языка *актом о назначении*. Хорватским языком отныне называется диалект хорватов, а сербским языком диалект сербов.

[2] – Х. Карер Данкосс – 78, 203, «Лингвистическая политика, без всякого сомнения, наиболее оригинальный способ оказывать влияние на национальные основы. Это также наиболее успешный способ».

[3] – Во всех цитатах этой статьи слова были выделены курсивом нами.

[4] – Саид Шермухамедов является министром Образования Узбекистана. Его сочинение «Русский язык – великое и могучее средство общения советского народа, Книга для внеклассного чтения для учеников старших классов средней школы», является незаменимым источником цитат и информации касательно Великого Русского Языка (ВРЯ).

[5] – Книга Люстровой – версия радиопрограммы «В мире слов», целью которой – изучение русского языка (рассуждения о сложностях русского языка, конкурсы на лучшего знатока языка и т.д.).

[6] – Мы цитируем автора 1953 г. в строгом соответствии с тем, что он привел в 1980 г, опираясь на материалы диссертации, подготовленной к защите.

[7] – Недавние исследования показали, насколько язык может быть любим до безумия, стать составляющей частью, физической и символической, того, кто на нем говорит. См: М. Пьерсен «Вавилонская башня», Рудинеско

«Беседы с реальностью», Гадэ и Пешо «Потерянный язык», Милльнер «Любовь к языку», Вольфсон «Шизо и языки». Это формы, в которые облечена любовь к русскому языку, и которые мы попытались здесь несколько смягчить.

[8] – Вопрос на самом деле заключается в том, насколько «народный» русский язык является «русским». Не станет ли он опять «объектом перестройки»? (См. далее: «Познание»).

[9] – Энциклопедия русского языка. Под редакцией Ф. П. Филина, Москва, 1979 год. Речь идет о словаре, содержащем в предисловии описание основных проблем русского языка и славянской лингвистики в целом.

[10] – См. название книги Гадэ и Пеше «Неуловимый язык».

[11] – См: Мэнгено Доминик, 1979 «Школьные книги республики», 1870-1914 (Беседы и идеология), Париж: Сикомор; «Левые и Правые поворачиваются в сторону чистоты и ясности французского языка, иллюзорный консенсус III республики», из архивов SHESL, № 2, 1982 г.

[12] – К. Лефорт, «Картинка тела и тоталитаризм» в издании Лефорт-81.

[13] – «Крымские татары, признанные национальностью в 1921 г, и депортированные в Сибирь в 1944 году, считают, что их республика была ликвидирована, национальная самоидентификация уничтожена, а язык объявлен «существующим лишь в устной форме». Будучи реабилитированными, в 1967 году как «татарское население, проживавшее на территории Крыма», они совершенно не потеряли свою связь с территорией» (Карьер Данкосс, 1978, с. 236-245).

[14] – Лакан, безусловно, увидел в этом возможную сексуальную связь: кто-то становится «телом» другого, в результате взаимного слияния, через «полное поглощение».

[15] – Так, например, за пределами СССР, это проблема македонского и болгарского языков. Македонский, официальный язык в Югославии, расценивается в Болгарии как «болгарский», что позволяет правительству Болгарии не соблюдать юридический статус национального меньшинства македонцев, проживающих на территории Болгарии.

[16] – Нужно отметить, что несколько лет спустя, лингвист Е. Поливанов стал воздерживаться от использования термина «Великорусский язык», заменив его на «Современный русский язык» (Поливанов, 1968, с. 206-224).

БИБЛИОГРАФИЯ:

Carrère d'Encausse Hélène, 1978: L'empire éclaté. – Paris: Livre de poche.

Creissels Denis, 1977: Les langues de l'URSS (Aspects linguistiques et sociolinguistiques). – Paris: Institut d'Études slaves.

Gadet Françoise; Pecheux Michel, 1981: La langue introuvable. – Paris: Maspero.

Lefort Claude, 1981: L'invention démocratique. – Paris: Livre de poche.

Maingueneau Dominique, 1979: Les livres d'école de la République, 1870-1914 (Discours et idéologie). – Paris: Le Sycomore.

Maingueneau Dominique, 1982 : «La Droite et la Gauche face à la clarté de la langue française, un consensus illusoire sous la IIIe République» // Dans Archives et documents de la SHESL. – N 2. – Pp. 16-32.

Milner Jean-Claude, 1978: L'amour de la langue. – Paris: Seuil.

Pierssens Michel, 1976: La tour de Babil. – Paris: Ed. de Minuit.

Roudinesco Elisabeth, 1973: Un Discours au réel. – Paris: Mame.

Sériot Patrick, 1982: La socio-linguistique soviétique est-elle 'néo-marxiste'? (Contribution à une histoire des idéologies linguistiques en URSS) // Archives et documents de la SHESL. – N°2. – Paris. – Pp. 63-84.

Wolfson L., 1970: Le schizo et les langues. – Paris: Gallimard.

Гамзатов П. Е, 1980: Развитие языковой жизни Дагестана в условиях зрелого социалистического общества // Вопросы языкознания. – № 3. – С. 123-129.

Люстрова З. Н., Скворцов Л. Л., Дерягин В. Я. 1982: Друзьям русского языка. – М.

Паустовский К. Г, 1953: Статья из Пионерской правды. – 23 февраля 1953 г.

Поливанов Евгений, 1968: Статьи по общему языкознанию. – Москва.

Прокопович Н. Н, Белошапкина В. А, 1972: Предисловие к книге В. В. Виноградова «Русский язык».

Шермухамедов С., 1980: Русский язык – великое и могучее средство общения советского народа. Книга для внеклассного чтения (VIII-X классы). – М.

ЭРЯ, 1979: Энциклопедия русского языка / Под ред. Ф.П. Филина. – М.

© Серио П., 2008